

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-42
EDN: KOAGRW

**«Мнемоническая инверсия» как маркер «пострефлективного антитрадиционализма»
в стихотворных «памятниках» русской поэзии XIX–XX веков**

Сергей Викторович Жилияков

Кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал). 309502, г. Старый Оскол, мкр. Солнечный, д. 18
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Аннотация. В статье на примере стихотворного «памятника» в русской поэзии исследуется противоположный традиционному вектор развития поэтических форм, названный «мнемонической инверсией». Этот феномен характеризуется тем, что он возникает в русле новой парадигмы художественности, а именно – в эпоху «конца традиционалистской установки как таковой» (С. Аверинцев), в которой благодаря «памяти жанра» художественный ресурс прирастает в количественном и качественном измерениях за счет инновационного авторского подхода к использованию (перифраз, рекомбинирование и синтез структурных компонентов внутри художественного целого, стилистическая манипуляция) прежних поэтических форм. Однако в отличие от указанной (новаторской) возможности обращения с литературным наследием «мнемоническая инверсия» действует антитетично по отношению к основным интенциям канонического периода. Она не просто позволяет манипулировать классическими поэтическими формами, характеризуемыми мнемонической взаимосвязью прошлого с настоящим («память жанра»), а отрицает наследие традиции, даже саму идею следования нормативному жанровому мышлению, предписанному еще «рефлективным традиционализмом» (С. Аверинцев), выступает как способ и средство противостояния ей; следует вопреки основному конститутивному принципу жанростроения, стремится его разрушить, обратить жанровую память вспять. В результате чего «мнемоническая инверсия» становится маркером «пострефлективного антитрадиционализма» – художественно-методологической тенденции, обозначающей и высвечивающей в соответствии с понятийным наполнением антиномичную (диалектически противоположную) сторону литературного процесса и потому заключающую в себе свойства отчужденного восприятия традиции, вывернутой наоборот, при которой «память жанра» трансформируется в «память о жанре», тяготеющую к забвению. Присутствие «пострефлективного антитрадиционализма» особенно становится ощутимым с конца 20-х годов XIX века, оно совпадает по времени со сменой жанровой системы классицизма, катализатором которой, как известно, явились сентиментализм и романтизм.

Ключевые слова: стихотворный «памятник»; жанр; «пострефлективный антитрадиционализм»; «мнемоническая инверсия»; художественная литература; жанровый мотив; «память жанра»

Для цитирования: Жилияков С. В. «Мнемоническая инверсия» как маркер «пострефлективного антитрадиционализма» в стихотворных «памятниках» русской поэзии XIX–XX веков // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 42–49. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-42>. <https://elibrary.ru/KOAGRW>

Original article

**«Mnemonic inversion» as a marker of «post-reflective anti-traditionalism»
in the poetic «monuments» of russian poetry of the 19th–20th centuries**

Sergey V. Zhilyakov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of management, Belgorod state national research university (Stary Oskol branch). 309502, Stary Oskol, Solnechny district, 18.
szhil@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5875-4134>

Abstract. The article studies «mnemonic inversion», the poetic form development vector opposite to the traditional one, using the example of poetic «monument» in russian poetry. This phenomenon emerges in the context of a new literary paradigm, namely in the era of «the end of the traditionalist attitude as such» (S. Averintsev). Thanks to the

«genre memory», the artistic resource increases in quantitative and qualitative dimensions due to the author's innovative approach to the use of previous poetic forms (periphrasis, recombination and synthesis of structural components within the literary work, stylistic manipulation). However, unlike the innovative possibility of dealing with literary heritage, the «mnemonic inversion» acts antithetically to the basic intents of the canonical period. It not only allows manipulating classical poetic forms characterized by the mnemonic relationship between the past and the present («genre memory»), but denies the heritage of tradition, and even the very idea of following the normative genre thinking dictated by «reflective traditionalism» (S. Averintsev), acts as a way and means of opposing it; contradicts the basic constitutive principle of genre-building, seeks to destroy it, to reverse genre memory. As a result, «mnemonic inversion» becomes a marker of «postreflective antitraditionalism» – an artistic and methodological trend that denotes and highlights the antinomic (dialectically opposite) side of the literary process in accordance with its conceptual content, and therefore contains the properties of an alienated perception of tradition turned the other way around, in which the «genre memory» is transformed into a «memory about genre» that tends to oblivion. The presence of «postreflective antitraditionalism» becomes especially noticeable in the late 20-ies of the XIX century, and coincides with the change of the classicism genre system, which is known to have been catalyzed by sentimentalism and romanticism.

Key words: poetic «monument»; genre; «postreflective antitraditionalism»; «mnemonic inversion»; fiction; genre motif; «genre memory»

For citation: Zhilyakov S. B. «Mnemonic inversion» as a marker of «post-reflective anti-traditionalism» in the poetic «monuments» of Russian poetry of the 19th–20th centuries. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2024;(3):42–49. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-42>. <https://elibrary.ru/KOAGRW>

Введение

Противоречие общепринятым закономерным процессам явления мало привлекают внимание исследователей, часто остаются неприметными в виде упрощающей задачи всякого исследования обмолвки о том, что «Nulla regula sine exsertione» («Нет правила без исключения»). А ведь как раз поиск для таких явлений логических оснований (ср.: М. Хайдеггер пишет: «...человеческий рассудок везде и всегда, где он деятелен, тотчас высматривает основание...»). «Человеческое представление во всем том, чем оно окружено и чем затрагивается, стремится к основаниям...» [Хайдеггер, 2000, с. 20]) показывает, что их наличие всего лишь подтверждает легитимное существование еще более широкомасштабных процессов в культуре, литературе, истории, поскольку такие феномены оказывают значительное влияние на дальнейшую динамику в культурной истории, образуют своего рода самостоятельную тенденцию и уже одним этим опровергают идею об их якобы спонтанном и необоснованном проявлении.

Методы исследования

В нашей работе мы опираемся на разработанную в рамках исторической поэтики концепцию С. С. Аверинцева о сменах парадигм художественности [Аверинцев, 1981], в основе которой лежит трехчастная периодизация, дифференцирующая отношение к литературе: как нерелевантной и погруженной во внелитературную действительность мифо-ритуального синкретизма (период «дорелевантного традиционализ-

ма»); саморефлектирующей в жанровом аспекте (период «рефлективного традиционализма») и, наконец, подчиняющейся авторскому взгляду на мир (период «конца традиционалистской установки как таковой» или начала «художественной модальности») эстетической системе. Деление истории литературы на три периода, естественно, определяется не только доминирующими методологическими установками и дифференциацией роли автора, а также отношением эстетической (прежде всего жанровой) памяти к традиции. На примерах стихотворных «памятников» в русской поэзии XIX века автор делает попытку увидеть в указанной периодизации тенденцию «пострефлективного антитрадиционализма», идентифицируемую отрицательным отношением к предшествующей ей жанровой традиции, маркером и отличительным признаком которой является «мнемоническая инверсия» – художественно-эстетическая установка, направленная на разоблачение памяти интенцией забвения и потому обуславливающая жанровую концепцию «антипамятника».

Основная часть

В истории русской литературы имеются целые периоды, насчитывающие десятки лет, которые пересыпаны произведениями, словно напказ демонстрирующими противостояние существующей традиции. Складывается впечатление, что они составляют определенную закономерность в развитии поэзии, нигилистическую по своей сути, отрицающую и как будто обращающую вспять жанровую динамику предшествую-

щего времени.

Это касается, в частности, жанровой традиции оды «Памятник», которая переосмысливается в полярно противоположную литературную форму, распространенную в «поэзии руин» конца XVIII – начала XIX века, а именно – в элегию «На развалинах цезарских палат» (1856–1858) А. А. Фета. В целом по функциональной принадлежности к имманентной и самодостаточной жанровой истории стихотворение можно определить как «антипамятник» (такой термин закрепился за знаменитым стихотворением в работе А. А. Илюшина [Илюшин, 1978, с. 54]), который в противовес своему антиподу пропагандирует нигилистическую идею «невековечности», тленности всего человеческого под солнцем («Пускай я не дерзну сказать: „Ты не велик”» [Фет, 1959, с. 91]). Вследствие этого стихотворение построено по принципу антитезы к знаменитому прецеденту – стихотворному «памятнику», оде III, 30 Горация.

Так, центральный образ памятника, которому, согласно традиции, суждено стать символом поэтической славы в будущем, трансформирован в руины цезаревского мавзолея, низвергающие всякое человеческое величие, которое не может противостоять разрушению времени. Открывается произведение видением образа былого величия Рима: «Пускай вокруг меня, тяжелые громады, / Из праха восстают и храмы, и дворцы, / И драгоценные пестреют колоннады...» [Фет, 1959, с. 91]. Маркерные строки утешения (с небольшими авторскими вариациями), тиражирующиеся во многих стихотворных «памятниках» – «Нет, не весь я умру...», включая пушкинский, приобретают у Фета также противоположное значение, вызванное не апологией бессмертия поэзии, души поэта, а, напротив, признанием бренности и тщетности человеческого существования, усиленного удвоенной эмфазой с утроенной апофазией: «Нет! нет! не ослепишь души моей тревожной... / Ты здесь у ног моих при-ник» [Фет, 1959, с. 91].

В отличие от меланхолической задумчивости над останками величественного прошлого древней цивилизации, присущей, к примеру, элегическому «я» К. Н. Батюшкова в типологически близком стихотворении «На развалинах замка в Швеции» (1814), лирическое «я» Фета, будучи переполненное эмоцией, критикует эту гордую урбанистическую величавость за безмерную заносчивость и безграничную спесь: «Безжалостный квирит, тебя я ненавижу / За то, что на земле

ты видел лишь себя» [Фет, 1959, с. 91]. Субъектному образу претит всякая свойственная таким стихотворениям с типологическим названием ностальгия по прошлому, навеянная ретроспективными образами, по духу оказывается ему ближе выражение неприязни к нему, даже раздражение им. Отсюда атрибутированный традицией «памятника» заключительный мотив обращения к музе выражает не просьбу, скорее, предъявляет укор: «И трупа буйного, жестокого невежды / Слезой камня не почтит» [Фет, 1959, с. 92]. В результате этого элегическое грустное воспевание сменяется инвективой, выражающей «резкое обличение» [Литературная энциклопедия, 2001, стб. 302] и обращенной к собирательному образу имперского эгоизма и человеческой гордыни. Для этого элегия Фета применяет отретированные традицией и переосмысленные в антиномичном модусе мотивы «памятника», органично вплетенные в структуру жанра. При этом, что симптоматично, содержательная структура элегического видения, развернутого в настоящем модусе времени, поглощает проспективную репрезентацию времени в индивидуальной вариации, характерную для стихотворного «памятника» [Иванюк, 2017, с. 98]. Такое аллюзивное отстранение от поэтической традиции, использующее широкий спектр средств – реминисценции, перифразы, формируется уже не «памятью жанра», а «памятью о жанре» [Иванюк, 2011, с. 92–96].

Нужно сказать, что Фет не первый в своей поэзии демонстрирует оппозиционное отношение к распространенным тематическим мотивам. Еще в 1816 году в последнем стихотворении, оде «Река времен в своем стремлении...», которое, по справедливому мнению Е. М. Тюленевой, взаимодействует «в жанровом тезаурусе с „поэтическим памятником”» [Тюленева, 2022, с. 161], Г. Р. Державин меняет свои взгляды на диаметрально противоположные в отношении же собственного, сочиненного двадцать лет до этого стихотворного «Памятника» («Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный...», 1795), утверждая: «А если что и остается / Через звуки лиры и трубы, / То вечности жерлом пожрется / И общей не уйдет судьбы» [Державин, 1957, с. 360].

Кроме того, в череде лирических событий, далее развивающих феномен близкого концепту «антипамятника», стоит указать на автоинвективу Е. А. Боратынского «Мой дар убог и голос мой негромок...» (1828). В произведении, по словам С. Г. Бочарова, дается весьма своеобраз-

ная интерпретация «лирического памятника» [Бочаров, 1985, с. 69–77], необычность которой заключена не сколько в негативном отношении к идее поэтической славы, выраженной знаменитым стихотворением, сколько в опрощении ее. Действительно, поэт весьма скромно, причем с определенной долей скепсиса, отзывается о признании своих заслуг в будущем. Поэтому его восьмистишная строфа (октет), сочиненная по следам известного произведения и занимающая, что показательно, в общем контексте манифестируемой скромности всего лишь половину количественного объема стихов поэтического «памятника», предрасположена к сочетанию мотивов «антипамятника» и собственно «памятника», образуя некое подобие переходного варианта. При этом, вероятно, Боратынским в качестве прецедентной основы для «антипамятника» используется уже приводимое нами последнее стихотворение Державина, которое имеет аналогичное количество стихов, что составляет ровно половину от исходного образца «Ehgi monumentum...» Горация и его первого русского переводного – «Я знак бессмертия себе воздвигнул...» М. В. Ломоносова (1747) (8 стихов против 16). Вариант же «памятника» Ломоносова, написанный одним из самых употребительных в русском стихосложении размером – 5-стопным ямбом, становится в свою очередь метрико-ритмическим ориентиром. Приобщением этих двух прямо противоположных начал – мотива «памятника» и «антипамятника» – Боратынский, во-первых, избегает разгула эгоизма и безграничности критики, тем самым достигает некоторой умеренно-срединной версии лирического произведения, иронической по своей сути. По этой же причине чуждый высокопарной патетики лирический субъект на первое место ставит не великие поэтические заслуги, а возможность быть, хотя бы, услышанным и понятым:

Но я живу и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я
[Боратынский, 1977, с. 155].

Следующий виток развития конкретно анти-тетической динамики обозначается в 1856 году, когда вышедшим на волю после томской ссылки декабристом Г. С. Батеньковым пишется «Non

ehgi monumentum...», уже одним только своим заглавием ориентирует читателя на обратный модус прочтения, предполагающий антагонизм с традицией. Несмотря на в целом полемический характер содержания, особенно показательны начало и конец «антипамятника» как самые сильные текстологические звенья художественного целого («Себе я не воздвиг литого монумента, / Который бы затмил великость пирамид...») и «О Муза! Не гордись тяжелым вдохновеньем / Вошедшего в твой храм угрюмого жреца: / Снискать не суждено его песнотвореньям / Вечнозеленый лавр для твоего венца» [Батеньков]), некоторые фрагменты произведения подчеркивают концепцию «негромкой славы», которая мотивирует автора использовать прямые цитаты, реминисцентные элементы, отсылающие к несколько отстраненной от общепринятой и традиционной линии развития стихотворного «памятника», предложенной Боратынским: «Но весь я не умру: неведомый *потомок* / В пыли минувшего разыщет стертый след / И скажет: „Жил поэт, чей голос был негромок, / А все дошел до нас сквозь толщу многих лет“» [Батеньков]. Очевидно, Батеньков, как и Фет, воплощает в своем «антипамятнике» противоположную предыдущей традиции стихотворного «памятника» стратегию, придает знаменитому тексту антипанегирический характер.

Дальнейшее полемическое отношение к традиции, переходящее в XX век, связано с И. Бродским. В «Памятнике» (1963), написанном в форме стихотворной инвокации, выраженной лейтмотивным императивом «Построим памятник...», воспроизводится одновременное воспоминание о модернистском (в частности, футуристическом) и постмодернистском, современном автору, восприятию классического наследия с обязательным присутствием в фокусе поэтической рефлексии идеологием коммунистического мировоззрения и по этой же причине использовании симптоматического кооперационного образа лирического «мы», показанного через призму собственного отрицательного отношения к советскому коллективизму. В этой связи можно сначала процитировать строки из последней поэмы В. В. Маяковского «Во весь голос» (1929–1930), в которую встроен мотив «памятника», представляющий собой трансформацию критикуемой поэтом индивидуально-поэтической славы в обобщенный образ народной солидарности, адаптированный к идеологии времени:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою –
Ведь мы свои же люди, –
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм [Маяковский, 1988, с. 429].

Типично в духе отрицательного отношения к персональной славе звучат также стихи первого произведения «Твой памятник» в лирическом триптихе «На площади Ленина в Ереване» (1960) армянской поэтессы С. Капутикян. Образ памятника в ее интерпретации – отнюдь не скульптурная инсталляция, а идейно-духовная составляющая жизни общества, солидарного (здесь, конечно, прочитывается трансформация тайны причастия общины верующих Христу) с ее вождем – Лениным:

Но монумента мы не строили тебе.
Ты не царишь над городом, надменен, –
Ты среди нас – в делах, в сердцах, в судьбе.
О, ты – не памятник,
Ты – наш товарищ Ленин... [Капутикян, 1989, с. 212].

Вернемся к Бродскому. Так, по замыслу автора, как будто удовлетворяющего привычному и отрепетированному временем запросу общественного сознания, памятник этот будет посвящен фиктивному деятелю с сомнительными заслугами («и наши дети / будут жмуриться на толстое / оранжевое солнце, принимая фигуру на пьедестале / за признанного мыслителя, / композитора / или генерала» [Бродский, 1965, с. 45]). Вследствие чего он в качестве десакрализованного символа будет доступен многим людям в виде фона для фотографирования и т. д. Сатирический пафос «памятника», постепенными подступами к которому обозначен весь ход лирического сюжета, выявляется в самой последней строке, выраженной как приговор и руководство к действию: «Поставим памятник лжи» [Бродский, 1965, с. 46]. Очевидно, что, кроме модального поворота к негативации традиции, Бродский оперирует новым, отличным от классического, принципом «субъектного неосинкретизма», под которым, как считает С. Н. Бройтман,

подразумевается нерасчлененность точек зрения «я» и «мы», включающая возможности разных альтернатив статуса авторско-поэтической оптики [Теория литературы, 2004, с. 22] и который в равной степени присущ вышецитируемым произведениям В. Маяковского и С. Капутикян. Кроме того, ему хронологически предшествует другой, уже смягчающий сатирический пафос, стихотворный «памятник» поэта – «Я памятник воздвиг иной!» (1962), опыт написания которого, безусловно был использован в «Памятнике» 1963 года. В нем в резкой и карикатурной форме («Я памятник воздвиг себе иной! / К постыдному столетию – спиной. / К любви своей потерянной – лицом. / И грудь – велосипедным колесом. / А ягодицы – к морю полуправд...» [Бродский, 2001, с. 170]) полемизирует с завышенными притязаниями на демонстрацию поэтической славы. «Памятники» Бродского, по мнению современного исследователя К. А. New, продолжают «процесс деканонизации литературной традиции» [New, 2018, р. 247], развенчивают центральный фактор жанрообусловливания – жанровую концепцию [Головкин, 2002], представляющую идейно-тематическое ядро произведения. Поэтому всякое отклонение от жанровой концепции преобразует поэтику всего поэтического текста и вместо образа широкомасштабной славы, на которую обычно притязает лирический субъект, поэтом используется локальный гротескный вариант «придворового» бюста, что в направлении главной идеи противостояния традиционному измерению памяти роднит произведение с «антипамятниками», но не отождествляет с ними:

в стране большой, на радость детворе
из гипсового бюста во дворе
сквозь белые незрячие глаза
струей воды ударю в небеса [Бродский, 2001, с. 170].

Итак, «Памятники» Бродского, как и стихи Маяковского, Капутикян, не отрицают саму идею постановки материального или идеалистического символа памяти и славы, не устраняют их референт, хотя в целом и несогласны с его классической репрезентацией. В отличие от них между «антипамятниками» Батенькова и Фета существует определенного рода связь, основанная на использовании принципа антагонизма в направлении традиционного (классического) наследия жанра, которая в то же время продол-

жает существовать. Отметим, что «мнемоническая инверсия», породившая явление «антипамятника» с его подчеркнутой в отношении к знаменитому произведению контрпоэтикой, порождает жанровую новую жанровую традицию, отличную от ее консервативной линии развития и полемического (иронического, саркастического и т. д.) представления с характерным для нее «выворачиванием наизнанку канонических „Памятников”» [Иванюк, 2018, с. 151].

Можно сказать, что с обнаружением «мнемонической инверсии» жанровая традиция стихотворного «памятника» XIX–XXI веков дифференцируется на три относительно самостоятельных направления. Каноническая традиция написания знаменитого стихотворения, пусть и в наименьшем количестве представленная, все-таки продолжает существовать в несколько реформированном виде в «Памятниках» В. Я. Брюсова, Б. А. Слуцкого, М. Ахмедова, образуя неотрадиционалистский вектор интенции художественного, «исходящий из диалектического единства личной свободы и бытийной ответственности» [Скляр, 2015, с. 247], заложенной ретроспективным опытом. Полемическая представлена «Памятниками» Вл. Ф. Ходасевича («Во мне конец, во мне начало...»), В. Каменского («Иронический памятник»), указанными произведениями И. Бродского, Л. Виноградова «Я памятник воздвиг, но не себе, а Фрейду...» и др. И наконец, в качестве «антипамятников» презентуются стихотворения А. А. Фета («На развалинах цезарских палат»), Г. С. Батенькова («Non exegi monumentum...»), В. Высоцкого («Я при жизни был рослым и стройным...»), Е. Винокурова («Я весь умру...») и др. Все это может свидетельствовать о диалектической сущности литературного процесса.

Заключение

Итак, на примере изучения стихотворного «памятника» автору удалось обнаружить и выявить такое явление, как «мнемоническая инверсия». Значение «мнемонической инверсии» заключается в том, что она преобразует «память жанра» – атрибутивное свойство его архаики, по М. М. Бахтину, в его стремление к забвению, направляет вектор развития стихотворного «памятника» вспять и трансформирует произведение в жанровую противоположность – «антипамятник». «Антипамятник» заявляет о себе не в единичном виде, а пролагает путь целой плеяде лирических опусов, составляющих поэтическую

тенденцию (указанные стихотворения Фета, Батенькова, Высоцкого и др.), объединенную обращением художественной рефлексии не на укрепление устоявшихся преемственных связей с традицией, а, напротив, на их разрушение, дезавуирование, преодоление с помощью отрицательного отношения к ним. Направленная на противоход даже тематической (автологической) памяти как таковой, от которой остается аллюзия, «мнемоническая инверсия» ориентирует ее на устремление к забвению. Это объясняет идейно-художественную борьбу и неприятие памяти как противостоящему времени концепту во всех представленных текстах произведений. И подобно тому, как памятуемое имеет два источника, образующих диаметрально противоположные модусы, – собственно память и забвение, «мнемоническая инверсия» репрезентирует собой вторую (отрицательная) диалектическую сторону поэтического процесса, которая способствует смене классического (канонического) мироотношения, становясь маркером той парадигмы художественности, которую правомерно назвать по аналогии с предложенной С. С. Аверинцевым периодизацией в контексте соседствующих – «рефлексивного традиционализма» и «конца традиционалистской установки как таковой» [Аверинцев, 1981, с. 7], «пострефлексивный анти-традиционализм». Не имея оснований возникнуть на пустом месте, но в виде негативной реакции на традиционное жанровое мышление, при этом находясь исторически уже за его пределами, «пострефлексивный анти-традиционализм» одновременно обращен на обе художественные эпохи. В качестве последующего за рефлексивно-традиционалистским состоянием литературы, которое и преодолевает, он сосуществует с окончательной стадией традиционалистской поэтики, разделяя с ней в целом «персоналистское» мировоззрение, направленное на размыкание рефлексии как обращения традиции на себя, в частности, – противодействуя ей. Впрочем, «мнемоническая инверсия» своей способностью колебать художественно-методологические циклы обнаруживает себя, помимо стихотворного «памятника», в типологическом феномене «антиреквиема» в русской (Л. Пальмин «Requiem») и зарубежной (И. К. Галчинский «Реквием?») литературах, противостоящем традиционному (каноническому) стихотворному реквиему и т. д. Однако это уже тема другого исследования...

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. Москва : Наука, 1981. С. 3–14.
2. Батеньков Г. С. Non exegi monumentum. URL: http://az.lib.ru/b/batenxkow_g_s/text_0040.shtml?ysclid=ltboeirsp0828769741 (дата обращения: 05.02.2024).
3. Братынский Е. А. Стихотворения. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1977. 384 с.
4. Бочаров С. Г. О художественных мирах. Москва : Советская Россия, 1985. 296 с.
5. Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2001. 440 с.
6. Бродский И. Стихотворения и поэмы. New York : Inter-Language Literary Associates, 1965. 239 с.
7. Головкин В.М. Жанрообусловливание как модус художественного познания (теоретико-методологическая перспектива) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2002. № 29. С. 91–99.
8. Державин Г. Р. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1957. 472 с.
9. Иванюк Б. П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Т. Е. Автухович. Гродно : ГрГУ, 2017. 306 с.
10. Иванюк Б. П. О двух фигурах постмодернистской рефлексии поэтической традиции стихотворных «Памятниках» // Производство смысла: сборник научных статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко. Тверь : ТвГУ, 2018. С. 149–161.
11. Иванюк Б. П. Память жанра, память о жанре и метажанр // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Філологічні науки. 2011. Вип. 27. С. 92–96. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkpnu_fil_2011_27_23 (дата обращения: 21.01.2024).
12. Илюшин А. А. Поэзия декабриста Г. С. Батенькова. Москва : Издательство МГУ, 1978. 168 с.
13. Капутикян С. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Стихи; Проза: Караваны еще в пути. Москва : Художественная литература, 1989. 655 с.
14. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Москва : НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
15. Маяковский В. В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Москва : Правда, 1988. 768 с.
16. Складов О. Н. Неотрадиционализм в русской литературе XX века: философско-эстетические интенции и художественные стратегии. Москва : МГУ, 2015. 503 с.
17. Теория литературы : учебное пособие: В 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Д. Тамарченко [и др.]. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Москва, 2004. 368 с.
18. Тюленева Е. М. «Лебединая песнь» в жанровом контексте последнего стихотворения/памятника (В.

Зельченко «Лебедь») // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования : коллективная монография. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022. С. 160–174.

19. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. Ленинград : Советский писатель, 1959. 899 с.

20. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / пер. с немецкого О. А. Коваль. Санкт-Петербург : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 290 с.

21. New K. A. From imitation to refutation: The canonisation and decanonisation of the metaphor of a poetic monument in Russian literature // Shagi / Steps. 2018. 4 (3). P. 247–274.

Reference list

1. Averincev S. S. Drevnegrecheskaja poetika i mirovaja literatura = Ancient Greek poetics and world literature // Pojetika drevnegrecheskoj literatury. Moskva : Nauka, 1981. S. 3–14.
2. Baten'kov G. S. Non exegi monumentum. URL: http://az.lib.ru/b/batenxkow_g_s/text_0040.shtml?ysclid=ltboeirsp0828769741 (data obrashhenija: 05.02.2024).
3. Boratynskij E. A. Stihotvorenija = Poems. Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 384 s.
4. Bocharov S. G. O hudozhestvennyh mirah = On artistic worlds. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1985. 296 s.
5. Brodskij I. Sochinenija Iosifa Brodskogo: V 7 t. T. 1 = Iosif Brodsky's works: in 7 vols. V.1. Sankt-Peterburg : Pushkinskij fond, 2001. 440 s.
6. Brodskij I. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. New York : Inter-Language Literary Associates, 1965. 239 s.
7. Golovko V.M. Zhanroobuslovlivanie kak modus hudozhestvennogo poznanija (teoretiko-metodologičeskaja perspektiva) = Genre conditioning as a modus of artistic cognition (theoretical and methodological perspective) // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 29. S. 91–99.
8. Derzhavin G. R. Stihotvorenija = Poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1957. 472 s.
9. Ivanjuk B. P. Zhanrovaja reprezentacija vremena v mirovoj poezii (opyt sistemnogo opisanija) = Genre representation of time in world poetry (experience of system description) // Antropologija vremena: sb. nauch. st. V 2 ch. Ch. 1 / pod red. T. E. Avtuhovich. Grodno : GrGU, 2017. 306 s.
10. Ivanjuk B. P. O dvuh figurah postmodernistskoj releksii pojetičeskoj tradicii stihotvornyh «Pamjatnikah» = On two figures of postmodernist reflection of the verse «Monuments» poetic tradition // Proizvodstvo smysla: sbornik nauchnyh statej i materialov pamjati Igorja Vladimirovicha Fomenko. Tver' : TvGU, 2018. S. 149–161.
11. Ivanjuk B. P. Pamjat' zhanra, pamjat' o zhanre i metazhanr = Genre memory, memory of genre and meta-genre // Naukovi pracі Kam'janec'-Podil'skogo nacional'nogo universitetu im. Ivana Ogiienka.

Filologični nauki. 2011. Vip. 27. S. 92–96. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Npkpnu_fil_2011_27_23 (data obrashhenija: 21.01.2024).

12. Iljushin A. A. Pojezija dekabrista G. S. Baten'kova = The Decembrist G. S. Batenkov's poetry. Moskva : Izdatel'stvo MGU, 1978. 168 s.

13. Kaputikjan S. Izbrannye proizvedenija: V 2 t. T. 1. Stihi; Proza: Karavany eshhe v puti = Selected works: In 2 vol. V. 1. Poems; Prose: Caravans are still on the way. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 655 s.

14. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij = Literary encyclopedia of terms and concepts / pod red. A. N. Nikoljukina. Moskva : NPK «Intelvak», 2001. 1600 stb.

15. Majakovskij V. V. Sochinenija: V 2 t. T. 2 = Works: in 2 vol. V. 2. Moskva : Pravda, 1988. 768 s.

16. Skljarov O. N. Neotradicionalizm v russoj literature XX veka: filosofsko-jesteticheskie intencii i hudozhestvennye strategii = Neotraditionalism in Russian literature of the XX century: philosophical and aesthetic intentions and creative strategies. Moskva : MGU, 2015. 503 s.

17. Teorija literatury = Theory of literature : uchebnoe posobie: V 2 t. T. 2 / pod red. N. D. Tamarchenko [i dr.]. Brojtman S. N. Istoricheskaja pojetika. Moskva, 2004. 368 s.

18. Tjuleneva E. M. «Lebedinaja pesn» v zhanrovom kontekste poslednego stihotvorenija/pamjatnika (V. Zel'chenko «Lebed'») = «The Swan Song» in the genre context of the last poem/monument (V. Zelchenko «Swan») // Fenomen «poslednego stihotvorenija»: teorija i praktika issledovanija : kollektivnaja monografija. Elec : EGU im. I. A. Bunina, 2022. S. 160–174.

19. Fet A. A. Polnoe sobranie stihotvorenij = Complete collection of poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1959. 899 s.

20. Hajdegger M. Polozhenie ob osnovanii. Stat'i i fragmenty = The foundation statute. Articles and excerpts / per. s nemeckogo O. A. Koval'. Sankt-Peterburg : Laboratorija metafizicheskikh issledovanij filosofskogo fakul'teta SPbGU; Aletejja, 2000. 290 s.

21. New K. A. From imitation to refutation: The canonisation and decanonisation of the metaphor of a poetic monument in Russian literature // Shagi / Steps. 2018. 4 (3). R. 247–274.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 16.05.2024; approved after reviewing 12.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024